Роза Бекхайма

Алексей Анатольевич Притуляк

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Авторская версия. Журнал «Химия и жизнь», № 9-2013 г. Благодарность за иллюстрацию Е. Станиковой (Химия и жизнь — XXI век).

- Алексей Притуляк
  - ○

Алексей Притуляк
РОЗА БЕКХАЙМА

Он постоял несколько минут у подъёмника, собираясь с духом. Или, быть может, давая себе последний шанс одуматься и сбежать?.. Да нет, всё было решено.

Чахоточный желтоватый туман медленно наползал с окраин,

где высился лесом циклопических труб индустриальный район. Удушливое марево застилало улицу, скрывая площадь от подслеповатых глаз ближайших домов. Оно словно напрашивалось в соучастники того, *что* сейчас должно было свершиться. Слабый ветерок не сумел пробиться через влажное, источающее запах аммиака, волокнистое месиво смога и, отказавшись от своих бесплодных попыток, сбежал — утих. Где-то за колледжем Брэтон — Сэндфорд, нервно провизжала полицейская сирена, затихая в сторону Гамильтон — стрит. Впрочем, сейчас это была уже не Гамильтон — стрит, а какая-то другая улица, но он не мог (да и не пытался даже) запомнить но? мера ни одной улицы, а потому все их называл по старинке. А кроме того, те древние, о многом говорящие названия, нравились ему гораздо больше, чем все эти новомодные «тридцать седьмые», «пятьдесят первые» или «сто семьдесят третьи».

Старые — старые, почти такие же старые, как и он сам, часы, поднесённые к глазам, показывали без двух минут девять утра. Они спокойно себе тикали, отмеряя несуществующее время, и этот мелкий быстрый звук, бесконечно одинокий в бело — жёлтом мареве тумана, показался колокольным перезвоном — таким тяжёлым и страшным, что захотелось сорвать часы с руки, бросить на мостовую и придавить ногой, как мерзкое вредное насекомое… Время, эта жуткая незримая субстанция, давно стало его личным врагом. Но память о прошлом, привычка и усталость заставляли его мириться с постоянным присутствием недруга. А главное — эти часы подарила ему Ханна, на золотую свадьбу.

Он выбил трубку прямо на полифлексовое покрытие, резко выдохнул последний глоток дыма и постоял, наблюдая, как нежно — голубой «асфальт» впитал в себя пепел и остатки табака, вернув себе девственную чистоту. Следом за табачной крошкой исчезла и тягучая желтоватая слюна его плевка. Вздохнув, он сунул горячую трубку в нагрудный карман и с решительным видом ступил на подъёмник, который неслышно доставил его ко входу. Широкая прозрачная дверь перед ним с безмолвной готовностью растворилась в воздухе. Изнутри повеяло сухим, тёплым и деловитым запахом конторы. Он сделал три робких и торопливых семенящих шага вперёд, каждую секунду ожидая, что двери вдруг возникнут на своём прежнем месте и раздавят его.

Под потолком большого округлого зала, вдоль всей стены которого тянулась пластиковая панель под красное дерево, поделенная на множество секций, чёрный экран засветился приглушённо — зелёными буквами: «М — р Сэмьюэл Бекхайм, оператор N4». И стрелочка в нужном направлении. Мелодичный томно — задушевный женский голос тут же озвучил: «Мистер

Сэмьюэл Бекхайм, вы можете подойти к секции номер четыре. Добро пожаловать и удачного дня!» В этот голос можно было влюбиться с первого прослушивания, если не знать, что он синтезирован, модулирован и апробирован.

Бекхайм вздрогнул, услыхав своё имя. Он никак не мог привыкнуть ко всем этим новшествам, ежедневно и стремительно врывавшимся в его привычно неторопливую жизнь. Что ни день, то какая-нибудь новая причуда. То подвижной тротуар, то электронный консьерж, то персональный доктор, возникающий прямо из стены в комнате, едва только кольнёт сердце или пробьёт на кашель. Теперь, вот, эти голоса. Везде, куда бы ты ни явился, тебя каким-то совершенно непостижимым образом узнаю? т, приветствуют и сразу растолковывают тебе, *что* ты должен делать. Мысли они читают, что ли?

Над секцией номер четыре призывно замигало зеленой строкой табло с его фамилией. Шаркая ногами, он торопливо направился туда.

Бекхайм, конечно, мог и не шаркать ногами, но он всегда это делал. Он придерживался того мнения, что все старики волочат ноги при ходьбе, а значит ему, в его сто тридцать семь, сам бог велел.

— Добрый день, мистер Бекхайм, — приветствовала его очаровательная барышня в отделении номер четыре прекрасно модулированным голосом. — Мы очень рады, что вы пришли к нам, и сделаем всё от нас зависящее, чтобы помочь старейшему жителю Земли.

— Спасибо, — отозвался Бекхайм, пытаясь определить, кто перед ним: настоящая девушка или одна из этих новомодных кукол, которых нынче увидишь везде. Прежних, которых делали ещё лет двадцать тому назад, он, при определённом внимании и если не забыл надеть свои старенькие очки, может отличить. А вот самых современных — нет, тут и сам господь бог перепутает.

— Что привело вас в концерн «Пелмакс Лайф Энерджи»? — спросила между тем барышня, после того, как выдвинувшееся из стойки кресло посадило на себя Сэмьюэла Бекхайма и подняло его на нужную высоту.

— Как тебя зовут, дочка? — спросил он вместо ответа.

— Лиджин Доусон, — отозвалась она. — Но если вы недовольны качеством обслуживания, то вам лучше запомнить мой операторский номер: три — девять — два-де…

— Да что ты, что ты! — торопливо перебил Бекхайм. — Я всем доволен, дочка. А ты настоящая, или из *этих*?

— Мы все настоящие, мистер Бекхайм, не так ли? — спокойно улыбнулась три — девять — два — девять.

— Ну, это как сказать, — покачал он головой.

— Закон пять — пять — восемь — бэ, о политкорректности в межличностных отношениях, запрещает задавать подобные вопросы, сэр, — произнесла барышня, подпустив в голос немного строгости, совсем чуть — чуть: старейшему жителю Земли позволено многое.

В общем, похоже было, что она — из *этих*. Кто их сейчас отличит. Эти — как те, те — как эти. Иногда Бекхайму казалось, что настоящих на земле вообще не осталось, одни *эти*. И он. Но теперь уже недолго, теперь уже скоро…

— Итак, сэр, — напомнила барышня, — чем я могу вам помочь?

— Да — да, — кивнул он, доставая зачем-то из кармана ещё теплую и пахнущую табачным перегаром трубку. Сунул её в рот, пососал минуту, наполняя рот кисловатой горечью. Потом вложил трубку обратно в карман, протёр губы платочком в синюю клетку.

Барышня терпеливо ждала, без всякого интереса наблюдая за манипуляциями «старейшего».

А старейший протяжно вздохнул, озирая зал выцветшими глазами, пожевал губами (зубы у него были совершенно новые и очень качественные, но ведь все старики испокон веку имели привычку жевать губами), улыбнулся терпеливому взгляду Лиджин Доусон.

— Устал я, дочка, — сказал он, улыбнувшись ещё раз: «прошу прощения, что досаждаю тебе своими личными проблемами».

— Могу предложить вам капсулу ревиталона, — отозвалась барышня. — Совершенно бесплатно. Вы также можете получить консультацию нашего электронного доктора, если пройдёте…

— И от таблеток устал, — покачал головой старик. — И от докторов. Особенно — от электрических.

— Мне очень жаль, сэр, — произнесла она, подмиксовав в голос участия. — В таком случае я могла бы…

— Умереть я хочу, — не дослушал Бекхайм.

Она не поняла, выжидающе уставилась на него.

— И чем скорее, тем лучше, — добавил он.

Она поводила пальцем по экрану терминала, стоящего на столе перед ней, что-то почитала, о чём-то поразмыслила.

— Ресурс ваших жизненных сил составляет, по последним исследованиям, от сорока семи до пятидесяти лет, сэр. Другими словами, вы очень молоды и вам ещё жить да жить.

— Жить да жить, — повторил Бекхайм и снова пожевал губами. — Жить да жить… Пятьдесят лет — это же пропасть времени, а!

— Среднестатистическая продолжительность жизни современного живого человека, сэр, составляет…

— Живого! — перебил он. — Ты сказала «живого»! А какова продолжительность жизни мёртвого?

— Я сказала так, ориентируясь на привычный вам лексикон. Я имела ввиду, сэр, человека как чистый биологический вид, — терпеливо пояснила девушка, нисколько не смутившись. — В отличие от представителей расы наномодулированных биоморфных гомо…

— Да ладно, дочка, я понял, не надо, — замахал он руками. — Просто лопочу по — стариковски, что в голову придёт. Старость болтлива. А от всех этих био — нано у меня в ушах рябит.

— Да, сэр, — согласилась Лиджин Доусон.

Он снова достал свою трубку, сжал её зубами — имплантами, пососал задумчиво, и, казалось, готов был задремать. Кресло, почувствовав позывы расслабиться, чуть изменило форму, подстраиваясь под положение тела. Бекхайм недоверчиво оглянулся на спинку, едва не выронив изо рта тяжёлую трубку, покряхтел, пряча её обратно в карман.

— Я затем и пришёл, дочка, — сказал он.

— Простите, сэр? — не поняла она. — Зачем — затем?

— А я не сказал? — удивился он. — Умереть хочу.

— Простите, сэр, но… — барышня, кажется, смешалась и не знала, что говорить и что думать. Может быть, настоящая всё-таки? — Простите, но… Я не понимаю, — сдалась она.

— Да ты не тушуйся, дочка, — успокоил Бекхайм и даже руку протянул, чтобы погладить её по голове, но рука упёрлась в невидимую преграду — будто воздух сгустился до степени резинового мячика, так что пальцы при всём усилии не могли погрузиться в него больше чем на сантиметр.

— Прошу прощения, сэр, — сказала Лиджин Доусон. — В целях безопасности персонала у нас работают нанофактураторы.

— Нано… фрато… — попытался выговорить он вслед за ней, но только вздохнул и безнадёжно махнул рукой. — Ладно, пусть работают: оно, может, и правильно.

Она помолчала с минуту, исследуя взглядом сморщенное лицо старика, пытаясь проникнуть за мутную блеклость его слезящихся глаз, рассмотреть мысли, прочитать в сети морщин чувства.

— Нано… — ворчал Бекхайм. — Нано… Как вы жить-то дальше думаете, молодёжь… Слов одних новых насочиняли сколько — никакой памяти не хватит… А от людей прячетесь. Нанофартеры?.. Не — ет, помирать надо…

Она терпеливо ждала. Чип NICS-18.2.W работал сейчас в цикле проверки прерываний. Лёгкая интерференция внимания и сосредоточенности, вызванная модулем статичного ожидания, неизменно доставляла приятные ощущения за счёт наполнения энергетической матрицы. Лиджин Доусон установила этот чип совсем недавно; потратила на него хорошие деньги, но оно того стоило. Не самая дорогая и продвинутая модель, конечно, но на NICS-22, или, лучше, на тридцатую серию, она ещё заработает. Апгрейд сделать никогда не поздно.

— Так вот, дочка, — оживился старик, — я зачем пришёл-то… Увидел я по телику вашу рекламу…

— По телику? — воспользовалась она сделанной паузой.

— Ну, по этому… Как вы его называете, дай бог памяти…

— Поняла, сэр, — кивнула Лиджин.

— Ага. Ну вот… Там ещё дельфина показывали, этого, как его… Элвис, да. Такой хороший дельфинчик получился из кого-то! Я прям слезу пустил по — стариковски-то, хе — хе… Ох, старость… Лет сто тому я таким жалостливым не был. Да что там говорить, сто лет тому назад я и представить не мог, что… Сто лет… Сто! Ты вслушайся, дочка — сто! Страсть господня.

Лиджин Доусон терпеливо ожидала. Впрочем, определение «терпеливо» здесь не очень подходит. Она ожидала — с наслаждением. В состоянии покоя ячейки энергетической матрицы стремительно заполнялись; параэндорфины поступали в обработку непрерывным потоком, принося ощущение бодрости, готовности, уверенности в своих силах. Приятно покалывало кончики пальцев, росла острота ощущений, поступающих от органов чувств — она слышала, как тикают старинные часы на запястье у Бекхайма. Лиджин Доусон почти не отрицала этого жалкого старика, во всей его без малого полуторавековой дряхлости, лишнести, бесполезности.

А Бекхайм, покачал головой, поцокал языком, опять достал свою древнюю трубку и сунул мундштук в рот. Ничто так не давало ему ощущения полноценности жизни, как душноватый привкус табачного перегара на языке.

Когда ему расчистили и огородили небольшой участок земли, на окраине, за бывшей Хайлэнд — сквер, первое, что он сделал — посадил табак и розы. Бо? льшая часть семян табака оказалась невсхожей за давностью лет, но некоторые прижились. А вот розы, которые так любила Ханна, — не поднялись. Ни одна. Не захотели они жить в этой земле, на этом воздухе, в этом чокнутом нано — фрато — комби мире, где они давно никому не нужны. Зачем кто-то станет мучиться с живыми розами, если их можно смоделировать, скомпилировать, распечатать. Уж не сложней, чем

человека-то.

На участке, за домом, он «посеял» и саму Ханну: закопал прах из урны, поставил оградку. *Эти* предлагали ему заказать бесплатный памятник, в любом дизайне, из полифлекса, но он почти полгода прождал, пока из России ему доставили небольшой пакет соснового бруса. Денег и времени ушла уйма, зато теперь на могиле Ханны стоял самый настоящий деревянный крест.

— Да — а, — вздохнул Бекхайм, отправляя трубку на место, в карман. — Так вот я и говорю, дочка, посмотрел я на вашего этого… Элвиса, да… и думаю себе: и от пустой забавы можно получить толк, если правильно подойти.

Лиджин Доусон кивнула, чуть улыбнулась «пустой забаве», добавила во взгляд внимательности и готовности. Матрица была почти полна, так что можно расходовать эмоции, не жалея.

— В общем, дочка, чтобы долго не ходить вокруг да около, пожил я слава богу, пора и честь знать.

— Другими словами, сэр, вы хотите заключить с концерном «Пелмакс Лайф Энерджи» контракт на рекомбинацию наноструктуры с последующей интравитацией в иную, заранее оговорённую, структуру.

— А? — Бекхайм открыл рот, приподнялся, щурясь на собеседницу. — Чего говоришь, дочка?

Спинка кресла немедленно трансформировалась под новое положение тела. Возможно, это тоже была до недавнего времени иная наноструктура, которая после рекомбинации стала креслом — заботливым и услужливым. Ведь кем только не мечтает стать человек, когда ему невыносимо тяжело или невозможно оставаться самим собой. И это ладно, если дельфином. Но кому-нибудь могла же прийти в голову и мысль стать офисным креслом…

— Вы хотите стать кем-то или чем-то другим, сэр, — постаралась она подобрать понятные старику слова. — Продолжить бытие в новом качестве.

— Да, — закивал он. — В точку. Не дельфином, конечно, как ваш этот… как его… Ага, ага, Элвис Рош, ну и ладно. Он теперь дельфин Элвис, хе — хе. Вряд ли кто называет животинку по фамилии, хотя, думаю…

— Это был его выбор, сэр, — мягко оборвала Лиджин Доусон. — Каким бы он ни был, к нему следует относиться с уважением и пониманием.

— Так это… — смущённо крякнул старик. — Я отношусь. Потому и пришёл к вам.

— Вы в самом деле решили рекомби… стать другим?

— Решил, — кивнул Бекхайм.

— Но вы должны понимать, сэр, что обратной дороги не будет. Повторная рекомбинация невозможна, — традиционно предупредила Лиджин, как предупреждала всех приходящих в этот офис. Вы хотите стать аквариумной рыбкой? Странноватое желание, конечно, но — пожалуйста. Только вы должны помнить, что обратная рекомбинация… Итак, вы определились с новой структурой?.. Вы хотите стать электромобилем? Компьютером? Унитазом? Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. Всё это очень полезные и необходимые вещи, ваш выбор понятен. Но вы должны сознавать, что обратной дороги не будет.

— А она мне нужна? — дёрнул подбородком Бекхайм. — Не нужна она мне, обратная дорога.

— Даже не знаю, сэр. Вы — старейший житель Земли, и, наверное, я… я не могу самостоятельно принять решение в вашем случае. Я всего лишь сотрудник третьего уровня сложности.

— Сложности, — повторил старейший, снова вытягивая из кармана трубку. — Ага… Но дело-то несложное, а?

— Полагаю, в *вашем* случае оно выше уровня моей компетенции.

— А — а… — Бекхайм покивал, пососал трубку, мучаясь желанием раскурить её немедленно. Поморщился, сунул обратно в карман. — И как же нам быть?

— Понимаете, сэр, жизненный ресурс у вас ещё довольно велик, вы формально здоровы, и главное — вы особый человек, старейший житель планеты. Конечно, ваша воля — это ваша воля, и никто не имеет права препятствовать её исполнению, если исполнение не задевает ничьих интересов. Но… А если не секрет, — зачем вам это?

Старый Бекхайм поелозил в кресле, заставив его перетекать, плавиться и реконструироваться в режиме реального времени, умноженного на два. Задумчиво потерев усталые глаза, покряхтел, сказал:

— Зачем… Знаешь, дочка, лет этак после ста я начал замечать, что… В общем, наступили такие времена, когда жизнь моя между днями рождения стала отличаться только цифрами. Скверные времена, надо сказать. А ещё жизнь нынче такая… такая… неживая, что ли. Не моя жизнь. Не привык я к такой, понимаешь. И по Ханне тоска берёт. Уж любил я её, что там… Да и привычка за пятьдесят-то лет… Вот, чем дольше живу, тем больше тоска… Пора мне, дочка. Спасибо, конечно, вам, что век мне растянули, но — пора. Устал я быть самым старым жителем Земли. И земли-то нет — везде этот ваш фолиблеск.

— Полифлекс, — поправила оператор.

— Ну, я и говорю, — кивнул старик.

— Ханна — это ваша жена, — заглянула Лиджин Доусон в монитор. — Перестала функционировать пятьдесят девять лет назад.

— Перестала, ага. В девяносто втором и померла. А ты откуда знаешь?.. А, ну да, вы же сейчас всё про всех знаете… Всего год не дожила до вашего этого, как его… научного рывка прогресса.

— И какой вариант рекомбинации вас устроил бы, мистер Бекхайм? Не дельфин — понятно. Ну а в каком качестве вы хотели бы продолжить?

Старик оживился. Глаза его заблестели. Неизменная трубка была снова вытянута из кармана и отправлена в рот.

— Понимаешь, дочка, я вот думал, думал. А потом меня как стукнуло. Как Элвиса этого вашего увидел, так и… Ханна моя очень розы любила. Больше, чем меня даже, наверно, хе — хе… Уж так их обожала! Она всё наказывала мне, чтобы на могиле у неё розы росли. А какие тут розы, когда и могилы-то не было до недавнего времени. Четыре года назад я её похоронил по — человечески, как землю мне дали. А розы мои не взошли, вот такая беда, дочка. Померли семена, видать. Им же лет-то было… больше, чем тебе, ага. Много больше.

— Да, сэр, понимаю. Но разве проблема купить розы?

— Да нет, не понимаешь. Я про *розы* говорю. Про настоящие, живые, которые в земле растут, а не эти нынешние… пластилиновые.

— Современные моделированные розы невозможно отличить от тех, что вы называете живыми, сэр.

— Это *ты* так думаешь, дочка. Потому что живых-то не видела сроду. А уж Ханна моя отличила бы и без очков, будь спокойна.

— Ну хорошо, — кивнула Лиджин Доусон. — Итак, мы говорили о том, в какой структуре вы хотели бы продолжить жизнь.

— Говорили, — недоумённо отозвался Бекхайм. — Так и говорим же. Я ж тебе про что и толкую, золотко.

— Я пока не поняла, сэр, простите.

Бекхайм пожевал губами, протёр слезящиеся глаза ветхим платочком, прищурился на Лиджин.

— Очень моя Ханна розы любила, — сказал он.

— Да, сэр.

— Наказывала мне, чтобы на могиле у неё всегда росли, её любимые, бордовые… Вот я и хочу, чтобы вы из меня розу сделали. Чтобы на могилу ей… Я и семена принёс.

Чип NICS-18.2.W, согласно рекламе, крайне стабилен, надёжен, обладает широким диапазоном поддающихся обработке

прерываний. Но разрабатывали его уже не те люди — не сыны бекхаймов, есениных, эйнштейнов или юнгов. Отвыкнув быть обычными людьми, без приставок «нано» и «био», они разучились воспринимать и понимать несинтезированные эмоции.

Лиджин Доусон замерла. Чип NICS-18.2.W пытался обслужить незнакомую цепочку прерываний, поступивших от модуля обработки эмоциональных реакций. Это была не самая совершенная модель наночипа, уровень её интеллекта отнюдь не зашкаливал, поэтому Лиджин, что называется, зависла.

Наконец, не справившись с ситуацией, чип включил блокиратор эмоциональной перегрузки. Сгенерированный код реакции был обработан, а результат обработки проступил на глазах Лиджин прозрачными слезинками, которые быстро скатились по щекам и истаяли, впитавшись обратно в кожные покровы. Матрица выдала мощный разряд энергии, опустев сразу на восемьдесят процентов. Потом бешеный поток битов, байтов и мегабайтов эмоций дал обратную реакцию — всплеск энергии небывалой силы, от которого матрица едва не взорвалась и готова была передать супервайзеру запрос на перезагрузку.

— Сэр… — выдавила Лиджин Доусон после почти двухминутной прострации.

Бекхайм с готовностью кивнул, повернул к ней правое ухо, которое слышало чуть лучше. Оператор молчала.

— Чего говоришь, дочка? — произнёс он, всматриваясь в её лицо.

— Сэр… — повторила девушка неестественно глухим голосом.

— Ага, — снова кивнул он. — Ты погромче, золотко, я на ухо совсем что-то тугой стал… Барабанка окостенела, видать, за полтора века-то.

— Мистер Бекхайм…

Лиджин Доусон закрыла глаза. Матрица таки не справилась с наплывом эмоций и вызвала сброс и перезагрузку психической подсистемы. Перезагрузка заняла не более тридцати секунд, так что старик не успел начать волноваться.

— Мистер Бекхайм, — отчеканила Лиджин Доусон, открыв глаза, — как я уже говорила, решение конкретно вашей проблемы находится вне пределов моей компетенции. Я передам ваш запрос на рекомбинацию по инстанции. Не далее как через сутки вы будете извещены о коллегиальном решении по вашему заявлению. Извещение поступит на вашу домашнюю электронную почту, пожалуйста, не забудьте проверить её.

— Ага, — кивнул Бекхайм, щурясь. Рука его от волнения снова потянулась к карману, где лежала трубка. — А пока,

значит, — никак?

— Увы, сэр. Но вам нужно подождать всего два — три дня.

— Хорошо, дочка, я понимаю. Ну, три дня-то я как-нибудь вытерплю, коли не помру.

— Если вам нужна медицинская помощь, вы можете прямо сейчас, бесплатно, воспользоваться услугами нашего электронного…

— Нет — нет, дочка, спасибо, — замахал руками Бекхайм. — Не надо ничего, моя хорошая, ты не беспокойся, ага. Так значит, можно идти, до завтра?

Рот старика наполнился слюной от предвкушения хорошей затяжки, которую он сделает, выйдя из этого храма рекомбинации.

— Безусловно, сэр. Всего хорошего! И спасибо что решили воспользоваться услугами концерна «Пелмакс Лайф Энерджи».

— Ага, — произнёс старейший житель Земли.

Уже поднявшись с кресла, которое немедленно вернулось в панель, Бекхайм приостановился, нерешительно наклонился к оператору.

— Сэр? — с готовностью произнесла она.

— Дочка, а ты не могла бы убрать этот ваш… фратер, или как там его. Ты не бойся, — добавил он поспешно, — я кусать тебя не стану. И щипать тоже — стар я уже.

Лиджин Доусон неуверенно пожала плечами.

— Вообще-то у нас не принято… — начала она, но взглянув в лицо старика, кивнула и нажала кнопку отключения фактуратора. Загорелся красный индикатор на пульте; вежливый и прекрасно модулированный женский голос произнёс: «Запрос на отключение нанофактуратора. Подтвердите запрос. У вас пять секунд».

Лёгким прикосновением пальца к экрану она подтвердила. Вопросительно взглянула на Бекхайма.

— Всё? — произнёс тот, недоверчиво оглядывая стойку перед собой.

— Всё, сэр, — подтвердила она.

Бекхайм робко вытянул руку, боясь снова наткнуться на эту невидимую стену, отделяющую его от другого человека. Не почувствовав препятствия, рука двинулась вперёд уже более уверенно. Сморщенная, пожелтевшая и иссохшая от времени, подрагивающая ладонь осторожно легла на гладко зачёсанные волосы Лиджин Доусон. Рука замерла на мгновение, а потом сделала небольшое движение вдоль головы, к затылку, туда, где в тугой пучок были собраны густые и красивые каштановые волосы из плексоволокна — совершенно неотличимые от обычных на ощупь. Там рука снова замерла на миг, а потом вернулась ко лбу,

чтобы погладить ещё раз.

Сэмьюэл Бекхайм счастливо улыбнулся давно забытому ощущению от возможности просто так подарить кому-то немного отеческой ласки.

По коже Лиджин Доусон пробежала стайка мурашек — от затылка вниз, к копчику. Она передёрнула плечами, ошарашенно глядя вслед старейшему жителю планеты Земля, который шаркающей походкой направлялся к выходу.

Дверь перед ним растаяла, чтобы снова возникнуть через минуту.

* * *

Дом — музей Сэмьюэла Бекхайма простоял на своём месте, на окраине, за бывшей Хайлэнд — сквер, ещё восемнадцать лет, пока не попал под бульдозерный отвал генерального плана застройки. Как ни странно, но музей был довольно популярен среди представителей не только меньшинства — традиционных немодифицированных людей, — но и среди наномодулированных биоморфных гомогенных организмов, или, как их принято называть, — нанолюдей будущего. Причиной популярности стали розы — самые настоящие, живые, бордовые розы, несколько кустов которых всегда росли вокруг непонятного, деревянного, покосившегося креста, поставленного в небольшом загончике за домом.

Во время застройки дом и крест вместе с розами аккуратно перенесли на новое место, за индустриальный район. О прахе Ханны Бекхайм никто, кроме роз, не знал и не помнил, поэтому землю с захоронения разумеется не переносили, а традиционно покрыли её полифлексом.

Розы на новом месте почему-то не прижились и погибли в несколько дней. К счастью семена их и черенки к тому времени уже ходили по рукам, поэтому во многих оранжереях, посреди самых разных моделированных растений, всегда можно было увидеть их бордовые бутоны. Со временем от них был получен новый сорт, несколько, правда, невзрачный, но всё же это были *живые* розы.

А сорт — прародитель так и называют до сих пор — роза Бекхайма.